

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Георгий Казаков

ЧАРОДЕЙ ДРУИДОВ

Георгий Казаков Чародей друидов

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606839
Георгий Казаков. Чародей друидов: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69508-9*

Аннотация

Колдун Мордок, поклоняющийся Арше – владычице самой смерти, завоевывает одно королевство за другим. Покровительствующая ему богиня одарила Мордока огромной магической мощью. И теперь ни одна армия не в силах остановить черного колдуна. Но если Мордок победит, на мир людей опустится тьма. Единственным, кто осмелился бросить вызов зловещему слуге Арши, стал чародей Лин. Но так ли уж предрешен исход схватки, когда против отважного друида поднимается темная рать? Лин не мучил себя этим вопросом, он предпочел сражаться...

Содержание

Сражение!	4
Эверлинг и Карш	11
Двадцать лет спустя	13
Лагерь армии Мордока	16
Дворец короля Логара	20
Арташ	24
Лес друидов	31
Посвящение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Георгий Казаков

Чародей друидов

Сражение!

– Мой король, северная стена... Нам ее не удержать, – еле дыша от усталости, прохрипел лорд Прест. – Да и городские ворота долго не выдержат. Они вот-вот рухнут. Нужно отвести войска в цитадель. Здесь мы еще какое-то время продержимся, а там, глядишь, и подкрепление поспеет.

– Ты прав, Прест, – отозвался король Сорша Радорс Победоносный.

Ни разу до сегодняшнего дня король Радорс не терпел поражения на поле брани, за что и получил свое прозвище, но сегодня удача, сопутствующая ему в былых битвах, видно, отвернулась от него. Тысячи кочевников внезапно напали на жемчужину королевства, на его столицу – город Торос. И Радорс как никто другой понимал, что в этот раз ему не победить. Наблюдая с высокой башни цитадели за ходом сражения, Радорс видел, как гибнут его воины. Лучшие из лучших! Элита его армии! Великолепно обученные, опытные, прошедшие не одно сражение вместе с ним рыцари Сорша погибали сейчас на стенах Тороса. Погибали, но остановить врага не могли. Отвага, опыт, самоотверженность его воинов разбивались об тупую злобу и огромное численное превосходство врага. Это был конец, конец Тороса, конец величию Сорша.

– Видно, дни моих славных побед прошли, – решил он. – Что ж, пусть, но и смерть может быть славной, если встретить ее достойно с мечом в руке. Только вот Торос... Нет, я еще жив, живы и мои рыцари, и каждый из них скорее падет от клинка врага, чем сдастся на милость победителя. Прочь, отчаянье, мы еще живы!!!

Радорс обернулся. Тень отчаяния, еще мгновение назад накрывшая его открытое благородное лицо, слетела бесследно, словно и не было ее. Первые рыцари королевства ожидали его решения. Их всегда было трое: лорд Кайем Седовласый, или Белый лорд, он служил верой и правдой еще отцу Радорса и уже тогда был абсолютно седым; лорд Карш, бессменный победитель всех турниров как в Сорше, так и за пределами его; и самый молодой из них лорд Прест, во всем подражающий своим кумирам Радорсу и Каршу. Радорс смотрел в их суровые, усталые, но решительные лица и вдруг вспомнил слова отца: «Сорша можно убить, но нельзя сломить, Сорш можно захватить, но нельзя завоевать. А значит, пока жив хотя бы один из нас – Сорш непобедим!»

– Итак, други мои, другого выхода у нас и впрямь нет, – задумчиво произнес Радорс. – Что ж, так тому и быть... Лорд Кайем, прикажи трубить отступление. Хотя нет, подожди... Пусть сначала отойдут лучники. Лорд Прест, ты возьмешь на себя оборону цитадели. Прикажи откатить в цитадель все катапульты и установи их, где сочтешь нужным. Как только расставишь лучников, пусть тотчас же трубят общее отступление. Делай, что хочешь, но враг не должен ворваться в цитадель вслед за отступающими войсками. Отсеки их! Пусть каждая пущенная стрела пронзит вражеское сердце. Лорд Кайем, королевский рог. Отдай его Престу.

Лорд Прест бросил полный тоски взгляд в сторону северной стены. Именно там, из последних сил сдерживая атаку за атакой, бились его рыцари. Четыре дюжины – все, что осталось от отряда в три сотни латников.

«Успеют ли они отойти? Продержатся ли? Или все, как один, падут в неравной битве? – в отчаянии подумал он. – И главное, должен ли я, лорд Прест, выполнять такой приказ? Оставить свой отряд, а самому спрятаться за стены цитадели? Этому ли я учил своих воинов?

Но послушаться государя все равно, что изменить ему! Нет... Нужно объяснить королю, он поймет, обязательно поймет. Я должен быть со своим отрядом...»

Радорс, словно почувствовав, что творится в душе его верного вассала, угрюмо добавил:

– Ты все еще здесь, Прест? Я что же, и тебе должен дважды отдавать приказ?

– Нет, ваше величество, я все сделаю, – эхом откликнулся лорд и, отвесив поклон, удалился быстрым шагом.

– Лорд Карш? – провожая взглядом Преста, рявкнул он.

– Я здесь, мой король.

– Возьми сотню гвардейцев и помоги рыцарям Преста. Они славно бьются. Не зря Прест так дорожит ими. Но как услышишь звук королевского горна, сразу же отступай к цитадели. Ты меня понял? Чтоб никакого геройства мне.

– Как прикажете, мой король.

– И вот еще что...

– Я слушаю, ваше величество, – откликнулся Карш.

– Это хорошо, что слушаешь, – пробормотал Радорс. – А потому, я надеюсь, ты не дашь этим тварям убить себя.

Карш скупно улыбнулся.

– Ни в коем случае, мой король. Во всяком случае, не сегодня.

– Ну, вот и отлично. Значит, мне не придется искать нового командующего конницей. Все, иди, да пребудет с тобой Великий и Всемогуший Орин!

Проводив взглядом лорда Карша, Радорс обернулся к Кайему и заговорщицки подмигнул ему.

– Ну, что, старый вояка, теперь дело за нами. Что у нас осталось в резерве?

– Сотня вашей личной гвардии да три сотни солдат ополчения.

– Ну, что ж, и этого немало. А гвардейцами командует, если я не ошибаюсь, твой племянник? Э-э... Эврис, лорд Эврис, кажется. Не так ли?

– Совершенно верно, ваше величество, – кивнув седой головой, ответил рыцарь.

– Ну, вот и отлично. Бери всех и пошли за мной. Нам с тобой тоже предстоит кое-что сделать, старый друг. Мы встретим врага у городских ворот, когда... Если они все же падут.

– Но, мой король...

– И хватит об этом. Я уже все решил. Или ты думал, я весь бой так и простою здесь? С меня хватит! Нет у меня больше сил смотреть, как гибнут мои воины. Я король Сорша и должен быть с моими рыцарями, а не трусливо прятаться за стенами.

– И все же, если бы лорд Карш был здесь, он бы не позволил вам так рисковать своей жизнью...

– Вот потому-то он сейчас на северной стене, вместе с рыцарями лорда Преста. Все, хватит болтать, пошли. Достаточно с меня и одной няньки.

– Как прикажете, мой король, – тяжело вздохнув, согласился Кайем.

– Вперед, друзья, покажем этим дикарям, как умеют сражаться соршцы!

Радорс, Кайем и Эврис в сопровождении гвардейцев короля и ополченцев покинули цитадель и направились к вратам города. И вовремя. Вражеский таран все же сделал свое дело, но, на счастье защитников города, пробив врата, он намертво застрял в них. Тщетно варвары пытались выдернуть застрявший таран, дергая его то в одну, то в другую сторону, тот не поддавался. И вот уже на головы им полетели камни со стен Тороса, а затем кипящее масло и факелы. Варвары и их союзники-кочевники падали с расколотыми черепами, заживо горели, умирали под градом стрел, но не отступали. Ослепленные, обваренные, обожженные, они, обезумев от боли, метались под стенами Тороса, пока тень богини смерти не накрывала их, спасая от боли и страданий, но убитых тут же сменяли живые.

– К бою, соршцы, – крикнул Радорс во все горло, обнажая свой клинок. – Бей врага, сыны Сорша, бей, пока сердце бьется и рука способна держать меч.

Казалось, в пылу сражения, лязга мечей, криков одних и стонов других голос Радорса должен был утонуть, потеряться в безумной какофонии сражения. Но нет, рыцари Тороса все же услышали призыв своего короля. Услышали и ответили на него.

Король!!! Король у ворот. Король с нами! Защитить короля!!! Не дать врагу прорваться за ворота города!!!

Защитники Тороса лишь на мгновение обернулись, посмотрели на короля и вдруг все как один отсалютовали ему, и вот уже вновь падают камни на головы врагов, льется масло, и летят стрелы. Торос все еще держался.

– Я с вами, сыны Сорша, я с вами, герои. Я горжусь народом, которым правил. Я горжусь страной, которая вырастила таких воинов!!! – пытаюсь проглотить комок, внезапно подступивший к горлу, тихо произнес Радорс. – Эврис, приготовиться к бою!

– Гвардейцы короля, к бою! – выкрикнул лорд Эврис. – Боевое построение!

– Так, Эврис, ты бери на себя правый фланг. Лорд Кайем возьмет левый. Ну, а мне достанется центр. Как и подобает королю. Возьмем их в клещи. Что ж, их стратегия ясна. Сейчас они вытянут застрявший таран и полезут в пролом. Вот тут-то мы их и встретим. Если нам повезет и кочевники не смогут сразу свалить ворота, у нас появится неплохой шанс задержать их здесь. А значит, остальные войска смогут без больших потерь отойти к цитадели... Конечно, таран они рано или поздно выдернут, тут много ума не нужно. Но вот что они станут делать потом? Во всяком случае, всей толпой сразу не попрут, не пролезут. Чего уж легче, встречай их да руби.

Сам Радорс слабо верил в то, что говорил. Но главное сейчас, чтоб в это поверили остальные. Нет, он несколько не сомневался в отваге и преданности своей гвардии. Это испытанные, умелые и бывалые воины, многих он знал по имени. Но большую часть его маленькой армии все же составляли ополченцы. Впрочем, по их хмурым сосредоточенным лицам можно было с уверенностью сказать: они скорее умрут, но не отступят. Радорс понимал, им не устоять, ни в этот раз, ни сегодня, ни в этом бою. Для них, для каждого из защитников Тороса, завтра уже не наступит никогда. Как, впрочем, и для него!

– Мой король, дозвоьте спросить? – осторожно произнес лорд.

– Валяй. Пока у нас еще есть время на разговоры, – бросил в ответ Радорс, напряженно наблюдая за воротами.

– Я вот чего не понимаю, аргаши и гурны заклятые враги, и так было всегда. Как могло случиться, чтоб кочевники объединились с варварами для того, чтоб пойти войной на нас? К тому же, Сорш (насколько я знаю) никогда не предъявлял свои права на ничейные земли. В отличие от аргашей. Ну, с аргашами понятно, на то они и кочевники. Но гурны? Чего им-то здесь понадобилось? Чего им не сиделось на своих горных пастбищах?

– Хороший вопрос, – задумчиво протянул Радорс.

Совсем недавно он и сам спрашивал об этом у мага Эверлинга, своего первого советника и друга. И то, что ответил ему верховный маг Сорша, ввергло его в уныние. Но Радорс все же смог взять себя в руки и не поддасться отчаянию.

– Страх, мой король! Первобытный, всепоглощающий ужас! Именно он заставил их забыть вековую вражду и объединиться. Все тот же страх повел их и на Торос.

– Страх? Но перед чем?

– Вот этого я как раз в точности и не знаю, – устало, качая головой, ответил старый маг. – Хотя их страх имеет вполне человеческое лицо. И определенно, этот некто – маг, и маг сильный. Во всяком случае, его магия гораздо сильнее моей. И вот еще что: Радорс, ты должен знать, помощи не будет! Я не смог дать знать лордам городов о постигшей нас беде.

А значит, лорды Джурм, Гарнон и Бранс не приведут свои войска. Впрочем, если б и мог, то при нынешнем положении дел все равно не стал бы это делать.

– Что значит, ты не стал бы? Ты что же, совсем из ума выжил, старик? Там, на стенах города, сейчас погибают, защищая Торос, мои воины. Да разве только они? Все жители Тороса пришли на стены. А ты говоришь, что помощи не будет? Не испытывай моего терпения, Эверлинг! Если это измена, то у тебя еще есть шанс все исправить, иначе...

– Неужто ты решил, что я предал тебя? – с укором взглянув на короля, тихо произнес маг. – Пойми, Радорс, он только того и ждет. Ты думаешь, я не пытался вам помочь? Пытался и едва не поплатился за это. Он чуть было не пленил меня. Я с большим трудом смог вырваться. В противном случае ты бы сейчас не говорил со мной, поскольку был бы мертв. Как я уже говорил тебе, их ведет очень сильный маг. Кочевники и варвары подчинены его воле и теперь готовы ценою своей жизни выполнить любой его приказ. Но все же кое-что мне удалось понять. Ему нужен не ты и даже не твое королевство. Ему нужно вот это.

И Эверлинг протянул Радорсу два свитка.

– Что это?

– Это древние манускрипты. И он хочет, нет, пожалуй, так: он жаждет заполучить их, во что бы то ни стало.

– Что же в них такого ценного? Неужели два клочка папируса могут стоить стольких жизней?

– О-о, эти, король, стоят много больше! Я знаю магов, готовых ради этих свитков свергнуть весь наш мир в пучину безумия. Но Впрочем, о них после. Хм, если, конечно, это после наступит для нас, в чем лично я очень сомневаюсь. Итак, вернемся к свиткам. В этих манускриптах говорится о загадочной, легендарной и очень могущественной расе. Крахты, так они себя называли, они населяли этот мир задолго до появления человека, как, Впрочем, и любой другой расы, включая даже самых древних из них, друидов. По сути, только благодаря им этот мир и стал колыбелью для многих рас, в том числе и для человечества. До недавнего времени мне доподлинно было известно только о существовании еще трех таких манускриптов, и в каждом из них говорится о крахтах. Я потратил многие годы, пытаясь понять язык крахтов и перевести эти манускрипты. И в конце концов мне это все же удалось. И то, что я узнал о них, полностью перевернуло мое мировоззрение. Крахты, что означает «первородные, первые и последние создания Великого Жнеца», наидревнейшая раса сверхсуществ, просто поразили меня своей силой и мудростью. Я...

– Крахты? Великий Жнец? О ком ты говоришь, Эверлинг? – перебил мага король. – Дикари вот-вот захватят Торос, а ты мне талдычишь о каких-то древних письменах.

– Ах да. Я, я сейчас, – забормотал Эверлинг, перебирая манускрипты. – Вот! Здесь упоминается о некоей наивысшей силе, я бы даже сказал об абсолютной силе, создавшей небесные тела, Солнце, Луну, а заодно и наш мир. Ее, или, если угодно, его крахты величали не иначе как Великим Жнецом. Впрочем, за точность перевода я не поручусь, наш язык слишком скуден в сравнении с языком крахтов. Но, думаю, суть это вряд ли меняет. Я сейчас прочту тебе небольшой отрывок, это не займет много времени. Во всяком случае, ты поймешь, о ком идет речь. А заодно тебе станет ясно, почему эти свитки так важны. Так вот здесь сказано следующее: «ОН воплощение зла и добра, милосердия и жестокости, созидания и разрушения. ОН многолик и всемогущ, ОН первый и последний, ОН мрак и свет, ОН жизнь и смерть, и имя ему Великий Жнец». И вот еще: «Во времена, когда в великом и необъятном космосе еще не мерцали звезды. Когда Луна и Солнце не возвещали о приходе дня или ночи. Когда космос был покрыт беспросветным мраком, пробудился Великий Жнец, и содрогнулась вселенная от его поступи. Но всюду, куда бы ни кидал ОН свой взор, видел Великий Жнец лишь мрак, отступающий перед его горящим взором. И тогда создал Он звезды, что мерцают сейчас в небе, и стало светлее в бескрайнем космосе. Вновь окинул ОН взглядом космос и создал

Солнце и Луну, чтоб ночь сменила день, а день ночь. Оглядел Он свое творение и решил создать мир. Создал Он землю, на которой стали расти деревья и возвышались, упираясь в небо, горы, создал моря-океаны, а затем озера и реки, создал множество разных существ, чтоб смогли они жить и размножаться как на земле, так и в воде. И вновь оглядел Он свое творение и остался доволен тем, что сделал. Но перед тем как вновь заснуть, возможно, на многие и многие тысячелетия, создал Он существ разумных и бессмертных, одарил Он их мудростью своей и указал им путь к совершенству. Дабы хранили они то, что сотворил Он, и жили в благоденствии и мире». Как ты понимаешь, речь идет именно о крахтах. Но создания его, постигнув знаний, для разума смертных непостижимых, возгордились и сами решили стать равными своему создателю. К сожалению, остальной части древнего манускрипта у меня нет. Я так и не смог узнать, что именно произошло. И теперь, видимо, уже никогда и не узнаю. Но одно могу сказать с уверенностью. Крахты были очень могущественной и непостижимо мудрой расой. Настолько, что даже если половина из сказанного в этих манускриптах соответствует истине, то... – Эверлинг неопределенно взмахнул руками. – Одним словом, эти существа были не просто бессмертными и даже не богами. Нет! Крахты, или первородные, это уж как тебе будет угодно, и есть истинные создатели! Именно они посеяли в мирах, созданных Великим Жнецом, зерно разумной жизни и дали возможность многим расам появиться на этот свет. И они же создали хранителей этих миров! Как сказано здесь – могущественных, высших существ! Догадываешься, о ком идет речь? Ну, а затем по только одним им известным причинам ушли! Вот так вот просто ушли, как говорится, в никуда! Выходит (если конечно, верить этому манускрипту), наши боги не что иное, как создание крахтов. Но это еще не все. Покидая наш мир, они построили храм, в котором и по сей день хранится мудрость древних. Величайшее хранилище великих знаний и силы. Любой, кто получит даже часть этой силы, станет почти всемогущим. Ну, вот, собственно, и все, что я хотел тебе поведать. Теперь ты понимаешь, зачем ему нужны эти свитки. Уверяю тебя, он не остановится ни перед чем и сделает все, чтобы добыть их. Ясно одно, он рвется к силе, которая скрыта в этом храме. К силе, сути которой он, возможно, и сам до конца не понимает. Впрочем, я могу и ошибаться. Все может быть как раз наоборот. Тогда все намного хуже, гораздо хуже, чем я мог бы предположить. Эх, мне бы еще немного времени, хотя бы год, полгода. Ну да чего уж теперь.

– Так. Значит, если он сможет заполучить эти свитки, то сможет узнать, и где находится этот храм? А если так, то, значит, и тебе известно его местонахождение, верно?

– Не совсем. В этих свитках нет прямого указания о месторасположении хранилища древних знаний. Для этого нужна карта. Шестой и последний свиток. Лишь тогда, получив власть над магией, что хранят древние манускрипты, можно будет узнать, где находится храм крахтов, и главное, суметь войти в него.

– Шесть? Помнится, ты упоминал о пяти, включая эти два.

– Так и есть. До того как в руки мне попали эти свитки, я был уверен, что их всего пять. Но, судя по тому, что я узнал, прочтя манускрипты, их вполне может быть и шесть. Видимо, шестой свиток – это свиток, соединяющий все остальные, и он в руках того, кто напал на Торос. Получается, что у него есть ключ, а у меня замок, который можно открыть этим самым ключом. Радорс, если ему удастся соединить все свитки... – Эверлинг многозначительно покачал головой.

– Да-а, ясно. Ясно, что дела мои обстоят не лучшим образом. Но почему ты не хочешь, чтоб мои лорды узнали о постигшей нас беде? Они бы привели свои войска. И кто знает, может, все же нам бы удалось отстоять Торос?

– Нет, не удалось бы. Прости, Радорс, но участь Тороса предрешена. Как, впрочем, и всего Сорша! Ни тебе, ни твоим лордам с их воинами не остановить нашествия. Во всяком случае, не сегодня. Сорш ждут тяжелые времена! И все же это не конец, Радорс! Нет, не

конец! У меня было видение. Да, я видел падение Сорша. Но я видел и его возрождение. Спустя годы, возможно, десятилетия Сорш все же восстанет из пепла поражения. И враг, ужасный и жестокий враг будет повержен и изгнан навсегда!

– Повержен, говоришь? Это, конечно, хорошо. Но сейчас там, на стенах моего города, погибают все те же соршцы. Гибнут от клинков варваров, умирают под копытами их коней, здесь, сегодня, сейчас. И все ради чего? Ради призрачного будущего, которого у них, возможно, никогда не будет. А если учесть то, что сейчас происходит под стенами Тороса, то больше половины торовцев так и не увидят этого самого будущего. Почему бы тебе просто не отдать ему эти свитки? Если неведомый маг пришел за ними, так пусть забирает их и убирается прочь. А еще лучше просто уничтожь манускрипты. Нет свитков, значит, нет причины осаждать Торос.

– Уничтожить? – хмыкнул Эверлинг. – Да ты взгляни на них. Время не властно над ними, прошли тысячелетия с того дня, как они были написаны, а они даже не пожелтели от времени. Разве не ясно, что их хранит древнейшая магия, магия самих крахтов. Нет, их нельзя уничтожить, просто невозможно. Во всяком случае, мне это не по силам. Что бы ты с ними ни делал, они вновь восстановятся. В них заключена огромная сила, способная либо низвергнуть наш мир в пучину безумия, либо одарить этот самый мир великой благодатью. Все будет зависеть от того, в чьих руках окажутся сии манускрипты. Что же касается того, чтоб просто отдать их... Хм, а что, собственно, это изменит? – вновь невесело ухмыльнулся Эверлинг. – Торос все равно уже не спасти. А вот последствия... Ты представляешь, что будет, когда он соединит воедино все манускрипты? Думаю, нет! Король Радорс, соединив все части, он получит силу древних свитков, станет могущественнейшим магом на земле. Но, тем не менее, останется смертным, а значит, его все же можно будет победить. Сколь ни огромна сила, заключенная в манускриптах, она все же ничтожна по сравнению с теми силами и знаниями, что хранятся в храме первородных. И зная это, он сделает все, чтоб попасть туда. И тогда уже ничто и никто не сможет его остановить. Он сможет по собственному усмотрению менять законы мироздания. Ему будет подчинено само время, а это значит, и прошлое, и будущее, не говоря уж о настоящем. Все народы без исключения станут его рабами. Лишь он один будет решать, жить им или умереть. Даже боги не в силах будут остановить его. Знания, знания крахтов опасны для нас, мы не готовы к ним. Обладание такой силой, таким могуществом может привести к гибели всего и вся в нашем мире. Неужто ты этого хочешь?

– Да нет, не хочу, – вздохнув, устало бросил Радорс. – Но если в этих свитках скрыта такая сила, почему ты сам не воспользуешься ими? Сокруши наших врагов, уничтожь мага, а потом спрячь их, да так, чтоб никто не смог найти манускрипты крахтов.

– Ты невнимательно слушал, – покачал головой Эверлинг. – Лишь соединив все манускрипты, можно использовать их силу. А как я уже сказал, их у меня нет. Теперь ты знаешь все, что я хотел тебе поведать. Прости, мой король, но на этот раз я ничем не смогу тебе помочь.

– Что ж, мне все ясно. Только вот, что мне сейчас сказать моим воинам? Впрочем, им-то как раз объяснять ничего не нужно. Есть враг, и они будут драться. Что мне сказать простым жителям, тем, что бьются сейчас там, на стенах города? И верят, верят, что мы победим! Ведь их король всегда побеждал! Как сказать им, что помощи не будет? Что нам всем сегодня придется умереть! И за что? За два измятых листка пусть даже очень древнего, но всего лишь манускрипта?

– Нет! Не за манускрипты, о них как раз им лучше будет не знать вовсе! Они сложат головы, защищая Торос, а значит, защищая весь Сорш. Впрочем, ты король, тебе лучше знать, что нужно сказать своему народу в такой день. А я верховный маг Сорша, и только

мне известно, как я должен сегодня поступить. Иди, мой король, твои воины ждут тебя, твой народ ждет тебя. Да и мне многое еще нужно сделать.

– Эверлинг, а как же мой сын? Что будет с принцем?

– О его судьбе не переживай, я уже позаботился о нем. Все, что я могу сейчас тебе сказать, так это то, что он останется цел и невредим. И, что главное, не попадет в руки врага. С ним все будет хорошо, мой король, я клянусь тебе в том. И хотя будущее его скрыто от меня, возможно, он единственная и последняя надежда Сорша!

– Мой король, ваше высочество, с вами все в порядке?

– Что? Ах да! Все хорошо, я просто задумался, – встрепнулся Радорс. – Так ты спрашиваешь, чего этим кочевникам и варварам не сиделось на своих пастбищах? Ну, тут как раз все просто. Как ты сам только что вполне справедливо заметил, они кочевники, думаю, этим все и сказано. Вот то-то им и не сидится на пастбищах. Что же касается варваров и того, что им здесь понадобилось, да и всего остального... Так это вопрос не ко мне. А скорее к ним. Да ты и сам вот-вот сможешь задать им его, – кивнув на пробитые ворота, напряженно ответил Радорс.

К королю подбежал гонец от лорда Карша.

– Ваше величество, лорд Карш велел мне передать вам, что атака на северную стену отбита.

– Хорошая весть, молодец, Карш. А как вообще обстоят дела у командующего? Много ли убитых?

– Много, мой король, почти половина, не считая раненых.

В этот момент воздух прорезал протяжный гул королевского горна. Лорд Прест подавал знак, что готов приккрыть отступление короля и его войска.

– Вовремя, – не скрывая облегчения, выдохнул Радорс. – Беги и передай лорду Каршу, что он может отступать к цитадели. А мы с лордом Кайемом и лордом Эврисом прикроем общее отступление, здесь у ворот города.

Отсалютовав королю, гонец стремглав помчался назад.

– Да, и передай ему, пусть не медлит, нечего ему более торчать на стене. Скажи, чтоб поспешил, – крикнул вдогонку Радорс.

А затем тихо, почти шепотом добавил:

– Долго, боюсь, нам не продержаться.

Застрявший в воротах таран дал пусть небольшую, но все же передышку защитникам города. А кочевники после ряда безуспешных попыток выдернуть застрявший намертво в городских воротах таран изменили тактику. Они не пытались больше выдернуть его. Наоборот, используя длину и вес тарана, они пытались сорвать с крепежей пробитые так неудачно врата города. А те все стояли, скрипели, содрогались от могучих ударов варваров, но стояли. Но, в конце концов под яростным напором осаждающих ворота вздрогнули и медленно, словно нехотя, с глухим и стонущим скрипом рухнули на землю.

– Ну, теперь держитесь, – крикнул Радорс, вскинув меч.

Эверлинг и Карш

– Айрис, что там Карш? Сколько еще его ждать?
– Я все передал ему, все как ты велел, учитель. Даже добавил от себя: это, мол, приказ короля.

– Ну и что он ответил?
– Отмахнулся поначалу, но потом, подумав, сказал, что сейчас будет.
– Вот и отлично! А что с королем? Он уже в цитадели? Или все еще бьется у городских ворот?

– Да нет, он успел отойти. Но город во власти кочевников. Они уже начали грабить Торос. Боги, я и представить не мог, что Торос может постигнуть такая участь. Да смилятся боги над теми, кто не успел спрятаться в цитадели. Их участь незавидна.

В этот миг в комнату магистра ворвался Карш. Он был вне себя от ярости. Вместо того чтоб крушить врагов и защищать город и короля, он был вынужден все бросить и явиться в башню магистра Эверлинга. К тому же, он никогда не скрывал свое недоверие, даже нелюбовь, ко всему, что связано с магией. Карш всегда полагался только на свой клинок и дарованную богами недюжею силу. Могучий Великан Карш – так за глаза его величал народ Тороса. И надо сказать, было за что. Ему было уже за сорок, а силы в его руках не только не убавилось, а казалось даже, наоборот, с каждым прожитым годом только прибавлялось. Суровый, почти всегда хмурый Карш, тем не менее, был любимцем торовцев, да и всего народа Сорша. Не говоря уж о рыцарях. Те всегда и с готовностью выполняли любой приказ командующего Сорша. Служить под командованием Карша было честью для каждого из них. Оно и понятно, постоянный и неизменный победитель всех турниров, и не только в самом Сорше. По нему вздыхали как благородные матроны, так и их кокетливые дочери, не говоря уж о вечно веселых хохотушках трактирных девках. Впрочем, если с последними он был неизменно учтив и даже галантен, то вот с придворными кокетками, в ответ на их порой весьма недвусмысленные намеки, всегда вежливо сух. Да и общества простых воинов командующий Сорша никогда не чурался и нередко пировал с ними. Радорс не раз пенял ему за то, что тот никак не хотел остепениться.

– Когда же ты, наконец, женишься? То и дело торчишь в тавернах, словно безродный наемник. Да ты разуй глаза, посмотри, сколько достойных невест в королевстве, одна ведь краше другой. Неужели ты не хочешь семьи? Жены, что верно будет ждать тебя с походов, наследника, наконец? Кто-то же должен продолжить твой славный род!

Но Карш, лишь слабо улыбнувшись, пожимал плечами.

– Видно, семейное счастье не для меня. Так бывает, мой король. Не каждому дано продолжить свой род.

После чего, сославшись на неотложные дела, он, испросив дозволения короля, уходил. А придворные дамы в очередной раз, горестно вздыхая, провожали его взглядом. Каждая из них, не задумываясь, отдала бы командующему Сорша и руку, и сердце, а заодно и весьма приличное приданое. К тому же при всей своей суровости Карш был довольно привлекателен. И если б не кривой почти во всю щеку шрам на лице, полученный им еще в пору его юности, Карша вполне можно было назвать красивым. Возможно, кого-то могло и испортить такое всеобщее внимание и любовь, но только не Карша. Единственно кому он поклонялся, это богу Орину. Грозному богу огня и покровителю рыцарства. И единственно кому он был предан всей душой, так это королю Радорсу.

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? Эверлинг, зачем ты звал меня?

– Успокойся, лорд Карш. Раз я велел тебе прийти, значит, на то была воля короля.

– А мой долг быть рядом с ним. Там на стене...

– Лорд Карш, я не собираюсь с тобой спорить, – резко оборвал его Эверлинг. – Еще раз повторяю, на то была воля короля. Ты был нужен здесь. И слава богам, ты здесь. Так стоит ли тратить время на препирательства?

– Времени и впрямь мало. Проклятые дикари, да пожрут их души демоны смерти. Они подожгли город, Торос в огне. Великий Орин, они подымают сотнями, тысячами под ударами наших воинов, но их словно не становится меньше, – проворчал Карш, заметно успокаиваясь. – Хорошо, зачем я понадобился верховному магу Эверлингу? Я, слава Орину, ничего не смыслю в магии.

– И впрямь слава Орину. Уверен, из тебя бы вышел никудышный маг, – язвительно ответил Эверлинг. – И потом, ты нужен не мне, ты нужен Соршу. Карш, ты должен спасти принца. А для этого ты должен немедленно покинуть вместе с ним осажденный Торос. Отныне твой долг, твоя обязанность – это безопасность сына Радорса, принца и наследника короны Сорша!

Двадцать лет спустя

– Ты быстро учишься, мой дорогой Лин, я бы даже сказала, слишком быстро, – весело рассмеявшись, произнесла Наир-На, дева священного леса богини Гарины. – Арас-тор-кар, – выкрикнула она.

И Лин мгновенно окаменел, причем в буквальном смысле. Он превратился в каменного истукана.

– Крат-абор-танис, – мысленно произнес Лин, освобождаясь из каменного капкана. – Инн-ватар-торр, – в свою очередь крикнул он, и все тело Наир-Ны буквально рассыпалось на сотни тысяч лепестков белой лилии.

– Благодарю тебя, о прекраснейшая и несравненная Наир-На. За добрые слова и за твою мудрость, которой ты делишься со мной. Но я лишь скромный ученик, жаждущий знаний и внимающий слову твоему. Ибо в них я черпаю мудрость, коей ты делишься со мной, о, великая дева леса, – произнес Лин, внутренне ликую.

И тому была причина. Еще бы, духу леса понадобилось гораздо больше времени, чтоб преодолеть и снять заклинание, наложенное Лином. Но вот лепестки, превратившись в миллиарды бело-желтых бабочек, одновременно вспорхнув, закружились в причудливом танце. И через мгновение перед Лином вновь предстала прекрасная хранительница священного леса.

– Лстец, – фыркнула та в ответ. – Лстец и самоуверенный хам. Ты прекрасно понимаешь, что мне понадобилось чуть больше времени, чем нужно, лишь по одной причине. Мне необходимо было воссоздать мое платье, которое ты коварно превратил в лепестки лилии. Будь это настоящий бой, я бы ни за что так не поступила. И это, прошу заметить, сыграло бы мне только на руку.

– Странно, что же помешало божественной Наир-Не поступить так и в этот раз, – словно не понимая, о чем идет речь, задумчиво произнес Лин.

– Во-первых, не называй меня божественной, моей повелительнице богине Гарине это не понравится. А во-вторых, ты еще слишком молод, чтоб созерцать обнаженное девичье тело.

– Ой ли, если ты забыла, то я напомним, мне уже минуло двадцать весен, – гордо вскинув голову, заявил Лин.

– Не уже, а всего лишь, и в твоем возрасте люди только начинают постигать уроки жизни. Впрочем, в одном ты, безусловно, прав. Ты уже достаточно взрослый, чтоб понимать, что так поступать нельзя, – хмурясь, закончила она и отвернулась, обиженно сопя.

– О, светлоликая Наир-На, прошу простить меня, признаю, ты права, я победил нечестно, – сдался Лин.

– Что значит, ты победил? – резко обернувшись, возмутилась та в ответ.

– Ну ладно, ладно, хорошо, победила ты, – тут же согласился Лин.

– Нет, вы посмотрите на него, он еще мне одолжение делает, – не на шутку разошлась Дева леса.

– Ну, все-все, хватит. Каюсь. Был не прав. Обещаю, больше никогда так не поступлю. Во всяком случае, с тобой. Я не хочу ссориться. Тем более из-за такого пустяка. Поверь, для меня совершенно очевидно твое превосходство в магическом поединке. Ты же знаешь, как я дорожу твоей дружбой. Поэтому еще раз искренне прошу простить меня. Больше так ни-ни! Клянусь! – приложив правую руку к груди, покаянно склонил голову Лин.

Но если б дева священного леса взглянула на юного чародея, то непременно заметила бы озорную искорку, вспыхнувшую в уголках его глаз.

– Очень надеюсь, что ты говоришь искренне, Лин. В противном случае в следующий раз ты горько пожалеешь об этом. И вот в этом тебе лучше не сомневаться.

– Верю! Тебе верю! – еле сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, поспешил он заверить Наир-Ну. – И потом, я же попросил прощения. И очень надеюсь, что ты простила меня?

– А я еще не решила, – смягчившись, произнесла Наир-На. – Впрочем, ладно, так и быть, я больше не сержусь на тебя. Можешь считать себя прощенным.

– Благодарю тебя, о, золотоволосая повелительница священного леса, – поклонившись, весело произнес Лин.

– Шут! – беззлобно огрызнулась та в ответ.

Но вдруг озабоченно и тревожно нахмурилась.

– Что опять не так? – встрепнулся Лин, заметив беспокойство хранительницы Вечного леса.

– Ты не обязан это делать, Лин, – тихо произнесла дева леса, при этом голос ее дрогнул. – Пойми – ты не друид. Никто и никогда не проходил посвящение, не будучи друидом. Никто и никогда, понимаешь? Я уже жалею о том, что рассказала тебе о нем. Это безумие! Да и с чего ты взял, что сможешь пройти испытание?

– Ну, почему же безумие, Наир-На? – возразил Лин. – Дамир и ты научили меня многому, если не сказать всему. И потом, что плохого может со мной случиться? В моей душе нет места злу. А значит, священное древо мудрости не причинит мне вреда.

– Да, но...

– Я все уже решил. К тому же верховный жрец Дамир вряд ли еще раз даст на это свое согласие. Отказавшись сейчас, я в первую очередь поставлю под сомнение свое право на это самое испытание. К тому же есть еще одна причина, из-за которой я иду на это. Вот скажи мне – кто я? Как и почему я попал в лес богини жизни? И что главное, кто мои родители? И почему они бросили меня здесь, и бросили ли? Столько вопросов, и ни на один из них я до сих пор не получил ответа. Ни от кого! Даже ты не знаешь, как я попал сюда, не так ли? Так! А священное древо знает, должно знать, не может не знать. Ведь все, что происходит в этом лесу, известно ему. И потом, ты, что же, не веришь в меня? Ты же сама говорила, что лишь пройдя посвящение, я смогу пробудить дремлющую и по сей день силу. Или я что-то не так понял? А может, ты говорила не обо мне? Или просто ошибалась на мой счет? Но разве дух леса, сама посланница богини Гарины может ошибаться? Думаю, нет. Тогда о чем мы говорим? Нет, Наир-На, пришла пора проверить на деле все то, чему я у вас научился. Да ты ведь и сама все прекрасно понимаешь. Не так ли?

– Ты прав, – сдалась Наир-На. – Что ж, видимо, другого пути у тебя и в самом деле нет. Остается лишь надеяться, что ты и в самом деле готов пройти посвящение.

– Не переживай, Наир-На, у меня все получится. Просто не может не получиться.

– Надеюсь, – выдохнула та в ответ. – Очень надеюсь, что Отец Древо не только пробудит твою силу, но и поделится с тобой хоть толикой другой своей мудрости. Возможно, тогда ты научишься наконец воспринимать жизнь всерьез. Иногда мне кажется, что ты все тот же сопливый малыш, которого я встретила в лесу шестнадцать лет назад. Игры закончились, Лин, настала пора взрослеть.

– Ну, во-первых, я уже давно не тот малыш и, как ты справедливо заметила, прошло ни много ни мало, а шестнадцать лет. А во-вторых, я еще никогда не был столь серьезен, ты уж поверь мне на слово.

– Что ж, может, ты и прав, – произнесла та, бросив на Лина задумчивый взгляд. – Тогда иди, тебя уже ждут. Тебя ждет верховный жрец друидов. Дамир и остальные жрецы уже собрались в священной роще и ждут только тебя. Поспеш, дорогой Лин. Наступил день, которого ты так ждал.

– Ты хочешь сказать...

– Да, уже сегодня тебе предстоит пройти посвящение. Беги, все старейшины уже собрались у древа мудрости. Но прежде еще раз подумай, так ли уж нужно тебе это? Знания не всегда приносят в душу умиротворение. Возможно, вместо ожидаемых ответов у тебя появится еще больше вопросов.

– Я уже все давно решил, Наир-На, – качнув головой, ответил Лин. – Как бы то ни было, я должен пройти это испытание. Как думаешь, у меня есть еще немного времени, я бы хотел забежать домой?

– Есть, беги, до заката жрецы будут ждать, таков закон.

– Вот и чудесно, тогда до скорого, прекраснейшая Наир-На! Я побегу.

И махнув на прощание рукой, Лин убежал, а потому не слышал, как Наир-На тихо прошептала:

– Беги, Лин, беги навстречу своей судьбе, твое будущее не предопределено, а потому и скрыто от меня. Возможно, иногда даже дух леса богини Гарины может ошибаться.

Лагерь армии Мордока

Из шатра новоявленного повелителя аргашей и гурнов доносилось монотонное бормотание, порой плавно переходящее в призывное восклицание. Любого, в независимости от его статуса в огромной армии колдуна, ждала неминуемая смерть, посмей он потревожить Мордока в такое время. А в том, что тот был могущественнейшим чародеем, никто из кочевников не сомневался. Что, впрочем, вполне соответствовало истине. Мордок, а повелителя кочевников звали именно так, взывал к самой кровожадной и темной богине из всего сонма богов. К самой Арше!

— О, великая и всемогущая богиня Арша, повелительница смерти и владычица тьмы. К тебе, о Арша, внемлет твой ничтожный слуга Мордок. Прошу тебя, ответь мне. Подай мне хотя бы знак. Ожидание, неизвестность изводят твоего слугу из дня в день. О, великая и несравненная богиня, червь сомнений вгрызается в мой разум все глубже и глубже. Прошу тебя, молю, ответь своему слуге. Я лишь хочу знать, когда заклинания этого проклятого Эверлинга (пусть вечно горит его душа в бездонной и необъятной пропасти небытия) спадут? Когда я смогу наконец попасть в его башню и овладеть древними манускриптами? Когда, о Арша, я смогу завершить постройку твоего алтаря? Скоро ли, о моя богиня, наступит тот миг, когда исполнится моя мечта и твоя воля? И я, Мордок, вернейший из твоих слуг, смогу наконец принести тебе самую великую и кровавую жертву, имя которой этот жалкий мир смертных. Молю тебя, о великая и несравненная Арша, ответь мне, — преклонив колени и склонив голову перед пентаграммой, при этом воздев руки, вновь и вновь взывал он к богине смерти.

Все тщетно, время шло, но ничего не происходило. Мордок уже было отчаялся и хотел встать. Вопросы, на которые он не знал, не мог знать ответа, один за другим рождались в голове, ввергая его во все большее отчаяние. Неужто богиня отвернулась от него? Но почему? Что он сделал не так? Но тут язычки пламени свечей, расставленных в круг пентаграммы, вдруг задрожали, заматались из стороны в сторону, словно готовые вот-вот погаснуть. Но спустя мгновение выровнялись и вспыхнули ярким, почти нестерпимым светом. Богиня ответила на зов своего слуги.

— Склонись, ничтожнейший колдун, склонись перед волей той, в чьей власти не только твоя жизнь, но и твоя душа, — раздался в комнате леденящий душу шепот, даже не шепот, а скорее злое шипение.

Сам не зная почему, Мордок тут же бросил взгляд на пентаграмму и оцепенел. В самом центре пентаграммы в объятии бледно-голубого сферического сияния стоял огромный даже по меркам обитателей нижнего мира демон. И хотя демон-посланник явно не собирался причинить колдуну вред (к тому же, Мордок считал, что границы пентаграммы не дадут этого сделать грозному гостю), он все же внутренне содрогнулся. Да и немудрено, ведь перед ним предстал один из демонов богини смерти! Монстр чем-то походил на горных великанов, когда-то безраздельно владеющих этими землями, а теперь ушедших далеко в горы, доживая свой срок в этом мире. Но лишь на первый взгляд. Он явно превосходил их как по силе, так и по размерам. Мощные мускулистые руки и ноги, огромный торс, плечи, словом, все в нем говорило о том, что любого, кто дерзнет бросить ему вызов, ждет ужасная и, что главное, мучительная смерть. И, тем не менее, больше всего на колдуна произвело впечатление лицо демона. Оно отнюдь не было ужасным или бесконечно тупым, как у великанов. Нет. Но однозначно грозным, хищным и... прекрасным. Холодная, безучастная, безразличная, бесстрастная, абсолютная, а потому идеальная красота существа, не знающего сострадания. И хотя в глазах его светился разум, это, безусловно, был разум жестокого, коварного, не знающего милосердия создания. Весь его облик говорил о невообразимой, демонической мощи.

В своих лапах-руках чудовище держало тяжелый молот, поднять который смогли бы, наверное, только с десяток сильных воинов. Огромный, в два человеческих роста, монстр уставился на него своими кроваво-красными глазами, и Мордок вдруг ясно понял, сколь ничтожен он перед величием посланца богини Арши. Мордок никогда не считал себя трусом, и не без оснований. Но сейчас при виде посланника богини его буквально трясло от страха. Колдун хотел было отвести взгляд, но с ужасом понял, что не в силах сделать этого. А демон все молчал, молчал и смотрел на Мордока, не отрывая своего ужасного взгляда, продлевая его мучения и наслаждаясь ими. И когда колдуну показалось, что разум его вот-вот помутится, посланник богини наконец прекратил попытку и произнес:

– Склонись и внемли, – прошипел демон богини смерти. – Великая и всесильная Арша услышала твои стенания, смертный. Моя повелительница снизошла до того, что велела мне, Каргару Вестнику Смерти, передать тебе ее волю. Внемли же, властитель Мордок, внемли, ничтожнейший раб моей повелительницы. Великая Арша одарила тебя огромной для смертного силой. Но не стоит испытывать ее терпения. Помни это и никогда не забывай. Иначе тебя ждет ужасная кара. Впрочем, великая богиня сегодня милостива. Ты жаждешь власти над всем живым в этом мире? Что ж, ты ее получишь. Но в чрезмерной гордыне своей ты возжелал познать мудрость и силу древних крахтов. Что ж, великая Арша поможет тебе и в этом, ты познаешь силу древних, а затем отдашь ее богине. Твоя ничтожная плоть не выдержит и дня мощи древних крахтов. Страшен гнев Арши, и кара заслушание ужасна, но и благодать ее бесконечна. Сейчас моими устами с тобой говорит сама богиня смерти. Слушай же и повинуйся. Ты должен будешь построить башню на самой высокой вершине этого мира, на горе Шарт. Там ты построишь алтарь богов и окропишь его кровью во славу великой богини. Там, на вершине горы, где когда-то по воле крахтов зародилась жизнь, ты, Мордок, начнешь свой путь к безраздельному величию над смертными этого жалкого мира. И в конце пути ты получишь то, чего жаждешь так страстно. Безраздельную силу и власть, но взамен... Но взамен ты до скончания времен останешься смиренным рабом моей госпожи. Такова воля богини Арши. Ты, Мордок, очистишь этот мир от скверны и не почитающих несравненную богиню Аршу смертных. Чем заслужишь милость повелительницы смерти. Что же касается башни мага Эверлинга и его манускриптов, то заклинания, защищающие башню, еще очень сильны, даже мне не удалось проникнуть в нее. К сожалению, сама богиня Арша не может открыто вмешиваться в дела смертных. Пока не может. Но очень скоро все изменится. Очень скоро настанет великая ночь воздаяния. В эту ночь все небесные тела выстроятся в ряд, приветствуя пришествие великой и несравненной Арши. И именно в эту ночь заклинания мага Эверлинга ослабнут, и я, Каргар, помогу тебе проникнуть в его башню и найти манускрипты крахтов. Я сказал все, что велела тебе передать моя повелительница. Запомни все, что услышал, и выполни беспрекословно, иначе... Иначе я вновь навещу тебя. Но уж тогда... Стоит ли говорить, чем закончится для тебя эта встреча?

Затем, вскинув молот, демон проревел:

– Да восславится имя богини Арши во веки веков.

Бесстрастное лицо вестника богини смерти на мгновение исказила маска ярости. Но следом тут же исчезла, словно демон незаметно для Мордока снял ее. После чего он, бросив напоследок взгляд своих ярко-алых глаз на сжавшегося от страха колдуна, исчез, словно его и не было. А линии магической пентаграммы вдруг вспыхнули и сгорели, не оставив и следа на земле.

– Пусть славится имя ее, – прошептал Мордок, дрожа всем телом. – Да настанет царствие ее. Отныне и навсегда!

Пораженный и измученный, колдун с трудом встал с колен и зачем-то огляделся. Затем на почти негнувшихся ногах он поплелся к куче сложенных шкур, служивших ему ложем, а при необходимости и тронem. Дойдя, Мордок буквально рухнул на них и прикрыл глаза. Все,

что произошло с ним сейчас, было столь неожиданным и столь пугающим, что он на мгновение усомнился в правильности выбранного им пути. Именно пути, а не самой цели. От нее он не отказался бы ни за что. Слишком многое он поставил на кон в этой игре, слишком многое. Нет, ничто и никто не заставит его остановиться. Никто! К тому же, до желанной цели уже почти рукой подать. Еще немного усилий, и он повелитель этого жалкого мира. Да, вестник богини Арши до смерти напугал его. Но в том нет ничего удивительного. Уж очень могущественны те силы, к которым он воззвал. И в служении им и только им теперь его судьба. Все! В сторону сомнения, да и поздно теперь отступать и, что главное, некуда. Выбор сделан! А значит, будь что будет, и хватит думать об этом. Он получит то, чего жаждет больше жизни. Власть. Власть и могущество. И безграничную, почти божественную силу. Впрочем, почему почти? Мордок даже вскочил и возбужденно заходил по шатру. Нет! Нет! Он сам станет богом, и тогда никто не сможет приказывать ему. Никто, даже сама Арша! Но пока пусть все идет, как идет. Ему нужна помощь богини смерти, просто необходима. И теперь она ему обещана. Так не стоит ли все это парочки-другой не совсем приятных ощущений? Без сомнений, стоит. Так в чем же дело? Он будущий повелитель мира! И пусть его потом ненавидят, пусть его именем будут пугать детей, пусть. Глупцы! Они и понятия не имеют, что значит настоящий вселенский ужас. Что ж, скоро, очень скоро он разует им глаза, он покажет им истинный лик мрака. Его бездонную, безмерную всепоглощающую сущность и его милость. Милость, которую им окажет единый и всемогущий бог, имя которому всесильный Мордок. Хорошее настроение постепенно стало возвращаться к нему, стирая остатки испытанного им совсем недавно ужаса.

– Да, если не считать не совсем лицеприятную встречу с демоном Каргаром, все остальное пока складывается как нельзя хорошо. В день, – тут колдун усмехнулся, – да нет, вернее будет сказать ночь, когда он получит силу всех трех башен, этот мир узнает своего истинного повелителя. И тогда врата вечности откроются для него, и он, Мордок, станет повелителем всего сущего в этом мире. И с той же ночи все те, кто еще недавно молились своим божкам, узрят властный лик истинного бога. Ну, а величайшей повелительнице самой смерти, наипрекраснейшей богине Арши придется смириться и... немного потесниться! Как, впрочем, и всему остальному сонму небожителей.

Но тут его размышления прервал тихий шепот у входа в его шатер. Некто, видимо, пытался войти, но личные телохранители Мордока, два огромных варвара гурна из горных кланов, не пускали никого к повелителю Мордоку без на то его позволения.

– Кто там еще? – проворчал он.

– Дозволено ли будет войти твоему покорному слуге, о великий император и вестник самой блистательной Арши, – раздался заискивающий голос.

Мордок, конечно же, узнал голос одного из вождей горных кланов гурнов Монгура, своего первого лорда. Тщедушный, трусливый, мстительный интриган Монгур ни за что не стал бы вождем клана, если б не Мордок. Люди его клана недолюбливали Монгура за трусость и склонность да постоянное нытье. К тому же Монгур был седьмым сыном своего отца. Именно был. Поскольку теперь ни его братьев, ни его отца уже давно не было среди живых. Вот так Монгур стал вождем одного из самых могущественных кланов горных гурнов. Доблесть и сила оказались беспомощными перед коварством и подлостью. Монгур прекрасно понимал, что без покровительства повелителя Мордока он не удержится на троне вождя и одного удара своего коварного сердца. Понимал и страшился этого. А потому лез из кожи вон, лишь бы угодить своему повелителю. И Мордоку это нравилось. По сути все, что делал Монгур, в армии Мордока, ограничивалось наущничеством, для чего Монгур собрал вокруг себя несколько сотен таких же, как и он, подонков, готовых продать всех и вся ради пары-другой монет. Конечно, в его империи многие были достойны почетной должности первого лорда. Например, командующий тяжелой конницей сильный, храбрый, хотя и не очень дале-

кий Терорк. Или суровый стратег Архис, не говоря уж о маге Карнусе. Этот в отличие от других обладает всеми достоинствами лидера. Хитрый, коварный и в то же время прекрасный дипломат, при необходимости может найти подход к любому. Всегда знает, чего он хочет и, что главное, как достичь желаемой цели. К примеру, он сразу почувствовал, что рядом с Мордоком его ждут огромные возможности и власть. А потому без лишних раздумий присягнул Мордоку. Впрочем, повелитель империи не спешил делиться властью со своими подданными. Это совсем не входило в его планы. Вот потому-то Мордока и устраивал именно трусливый Монгур. Он слишком глуп, чтобы плести интриги против своего господина. Но, что самое главное, патологически труслив, чтоб в них участвовать. А вот разнюхать, где, что, как и кем сказано, это он мастер. И, что немаловажно, умеет вовремя донести обо всем своему повелителю. Вот на это у него ума и духа хватает в самый раз.

– Я, кажется, велел не беспокоить меня, – рявкнул Мордок. – Клянусь гневом Арши, если меня побеспокоили зря, я жестоко покараю. Разрешаю войти.

– Это я, Монгур, великий император, – низко склонившись, пролепетал вошедший.

– А, это ты, лорд Монгур, – благодушно произнес Мордок. – Рад тебя видеть во здравии. Ну, что скажешь? Есть ли новости от твоих лазутчиков из северных королевств?

– Есть, мой господин, – с готовностью ответил тот. – Монархи трех государств заключили меж собой соглашение о взаимной помощи на случай войны с вами, мой повелитель. А именно король Брендании Логар Железный, король Лимерии Оскор Леворукий и король Аскании Эсканур I. Глупцы! Они возомнили себе, что смогут остановить ваше восхождение, мой повелитель, на трон владыки мира!

– Отличная весть, мой друг, – радостно потирая руки, воскликнул Мордок. – Отличная! Что ж, мы не заставим себя долго ждать. Они готовятся к войне? Так они ее получают. Передай войску мою волю. С рассветом мы выступаем. Мои воины заскучали, а их скакуны застоялись. Слишком давно не лилась кровь во славу великой Арши, а предсмертные стоны побежденных не ласкали ее слух.

Дворец короля Логара

– Зинар, ну сколько можно? Неужели ты до сих пор так и не понял простую истину? Я не собираюсь изучать все эти ваши магические штучки. Мне это ни к чему. Да и нет у меня к ним никаких способностей. Я принц крови. Мне ли корпеть над магическими книгами? Да вот хоть Патриса спроси. К чему все это? К слову, магистр Гарноус даже и не пытается обучать азам магии кронпринца Велентара. И ничего. Более того, хочу тебя заверить, он нисколько не переживает по этому поводу.

– Много знает ваш Патрис, – фыркнул маг Зинар. – А что касается принца Велентара, то тут я ничего не могу сказать. Кто я такой для кронпринца Брендании? И потом, в Брендании, и в частности в столице ее Лотиморе, за безопасность короля и кронпринца отвечает именно магистр Гарноус. Он мудрый, сильный и опытный маг. И кое-кто, между прочим, еще недавно ходил у него в учениках.

– Как и ты, дорогой Зинар, – флегматично вставил маг Патрис. – Как и ты. Хочу напомнить уважаемому Зинару, что мы оба обучались у Гарноуса. Так что вы, ваше высочество, абсолютно правы. Вам ни к чему, как вы справедливо заметили, «все эти магические штучки». Для этого у вас есть мы.

Со стороны могло показаться, что оба мага терпеть друг друга не могут. Но принц Аркадиас знал, что это не так. Близнецы (а маги, ко всему прочему, являлись братьями) были очень привязаны друг к другу. Сколько он себя помнил, при нем всегда находились Зинар и Патрис. Редкий день, когда они не ворчали друг на друга. Точнее ворчал только Зинар. Рассудительный и всегда спокойный Патрис большей частью отмалчивался. Но иногда (на радость Зинару) и его прорывало.

– А я говорю, в походе все может пригодиться, – настаивал Зинар. – Вот, к примеру, меня ранят, а тебя убьют, что тогда будет делать принц Аркадиас? А так он себе царяпину-другую всегда залечить сможет.

– А с чего это ты взял, что меня должны будут убить, а тебя только ранить? – возмутился Патрис.

– Да какая разница, кого убьют, а кого ранят, важен сам факт, – отмахнулся от него Зинар.

– Да нет, уважаемый Зинар, разница есть, и я ее прекрасно вижу, – теперь уже завелся Патрис. – Ты всегда...

– Все, хватит. Как дети, право слово, – оборвал перепалку двух магов Аркадиас. – Неужели вы не можете не ссориться хотя бы один день? В конце концов, кто из нас принц? Я! И я принял решение – мне нет необходимости учить заклинания. Ведь для этого у меня есть вы.

Но, заметив победную ухмылку Патриса, добавил:

– Но, думается мне, Зинар все же отчасти прав. В жизни всякая мудрость может пригодиться. А потому, дорогой Патрис, будь любезен, возьми перо и запиши мне парочку простейших заклинаний. Я буду носить их с собой, так, на всякий случай.

– Но, мой принц, это Зинар...

– И будь любезен, сделай это сегодня же, – перебивая Патриса, жестко добавил Аркадиас.

– Как вам будет угодно, мой принц, – понимая, что спорить бесполезно, буркнул тот в ответ.

Теперь уже у Зинара на губах заиграла победная улыбка, но следующая фраза Аркадиаса мгновенно стерла ее с его лица.

– К тому же, мой дорогой Патрис, мне более понятен твой почерк, чем каракули Зинара. А я желаю завтракать. Зинар, вели подать еды.

* * *

– Ты уже встал? Отлично! Значит, и на сборы уйдет меньше времени, – произнес, войдя в покои Аркадиаса, кронпринц королевства Брендании Велентар.

– На сборы? Ты это о чем? Я вообще-то собирался поесть. Не составишь мне компанию? К тому же мы вроде бы никуда сегодня не собирались. Да и для охоты вроде бы уже поздновато. Полдень. И скажи на милость, зачем ты напялил на себя доспехи? Жара ж стоит неимоверная. И если не съесть немедленно вот э-этого замечательного кролика, – разрывая того на две почти равные части, с нажимом произнес Аркадиас, – его мясо может протухнуть. Держи, я не жадный.

– Да нет, друг Аркадиас, благодарю. Есть мне что-то не хочется. Да и на охоту я не собираюсь, хотя... Хотя, с другой стороны, как посмотреть. Словом, я отправляюсь в Арташ. Не хочешь присоединиться? Уверен, мне б не помешала твоя помощь и трезвый во всех отношениях ум.

– Ты решил наведаться к барону Жигару? Нет, дорогой Велентар, уволь. Лицезреть его рожу после такого завтрака... Да и с чего вдруг? Насколько мне известно, ты всегда его недолюбливал.

– Вот именно недолюбливал. А теперь ненавижу. Ты представь, Аркадиас, этот плебей, этот выскочка, видимо, решил, что повеления короля Брендании его не касаются. И что он может позволить себе игнорировать указ моего отца и своего государя. Я послал ему с гонцом письмо, в котором предупреждал его о последствиях, но он даже не удосужился подобающе ответить мне. Негодяй! Он позволил себе ухмыляться, читая мое письмо. И знаешь, что он ответил гонцу? При этом заметь, ни строчки в ответ, все на словах! Что он-де исполняет свой долг так, как сам считает нужным. И еще он заявил, что никто не вправе запретить ему вершить суд на своих землях. Никто, даже король Брендании. Мерзавец!

– Да, барон и впрямь зарвался! – глотнув вина, задумчиво произнес Аркадиас. – Такое, тут я с тобой полностью согласен, прощать нельзя. Но затевать междоусобицу... Уверю тебя, мой друг, при нынешнем положении дел в стране это не самый лучший выход. К тому же отсутствие короля лишь подольет масло в огонь. Ты уж мне поверь. Конечно он всего лишь барон. А потому не имеет права голоса в королевском совете. Но, видишь ли, дорогой Велентар, есть одно, нет, даже несколько очень веских «но». Барон Жигаро богат. Очень богат. И, насколько мне известно, парочка-другая наших доблестных лордов должны ему немалые деньги. И если он обратится к ним за помощью, а он непременно так и поступит, они ему вряд ли откажут. Тем более если таким образом они смогут расплатиться с ним. А может, и добавить пару сотен монет в свою казну. Впрочем, как я уже сказал, подобную дерзость ему прощать нельзя. А потому я хотел бы знать, что ты решил предпринять?

– Как что? Мы отправимся к нему и заставим горько пожалеть о своих словах. А заодно на месте выясним, что происходит в Арташе.

– Подожди, Велентар, не горячись, – успокаивающим тоном произнес Аркадиас. – Ты всерьез думаешь взять Арташ приступом? С каким войском? Пять сотен рыцарей, которыми ты распоряжаешься, и близко к воротам замка не подойдут. А если и подойдут, то понесут немыслимые, а главное, неоправданные потери. Нет, дорогой Велентар, тут нужно крепко подумать прежде. Не стоит принимать поспешных решений. Согласен, Жигара нужно проучить. Вопрос в том, как это сделать и не потерять при этом лицо самим. Я бывал в Арташе единожды и ненадолго, но успел многое увидеть. Замок хорошо укреплен, даже слишком в нашем случае.

– И когда это ты успел побывать в Арташе?

– А ты вспомни. Два года назад твой отец Логар Железный отправил нас в рейд во главе пограничных отрядов. Тебя на юг, меня на север страны. Вспомнил?

– Как же такое забудешь. Я столько пыли никогда не глотал. Весь день в седле, жара, пот ручьем, а ночью у костра, обернувшись плащом, засыпать под байки бывалых воинов. Такое не забудешь, – почти мечтательно произнес, вздыхая, Велентар.

– Так оно и было, – кивнул Аркадиас. – Пограничный рейд не прогулка верхом. Но не суть. Так вот, наш путь пролегал как раз через земли барона. Вот я и решил напоить наших коней в замке, а заодно и разузнать, спокойно ли в окрестностях. Вот и рассмотрел я тогда укрепления замка. Да что там замок, не каждый город так укреплен, как Арташ. Две стены, Велентар, защищают замок. Между стенами расстояние небольшое, может, шагов десять. Ворота внешней стены открываются не вовнутрь, а наружу, весьма предусмотрительно на случай осады. С такими воротами врагу придется повозиться. Но и это не главное. Внешняя стена и внутренняя стена никак, кроме нескольких подъемных мостов, между собой не связаны. То есть, если, к слову, враг смог захватить внешнюю стену, защитники замка просто отходят по тем самым подъемным мостам в сам замок, и все. Мосты вновь поднимаются, и враг, по сути, вынужден будет все начинать заново, но при этом задача у него намного усложняется. Дело в том, что внутренняя стена немного, правда, но все же выше внешней. К тому же внешняя стена построена так, что враг, захвативший ее, оказывается абсолютно открыт для лучников замка. А оказавшись за воротами внешней стены, войско захватчика и вовсе попадает в капкан. Узкое расстояние между стенами напрочь лишает любое войско какого-либо маневра. И все, лей на головы врага раскаленное масло, поджигай, расстреливай из луков и арбалетов, он ничего не сможет предпринять. Все, что ему останется, так это в спешке отступить, понеся при этом огромные потери. Так что уверяю тебя, барон Жигаро знал, что делал, когда укреплял свой замок.

– Вот слушал бы тебя и слушал. – буркнул Велентар и, пододвинув к себе стул, уселся за стол. – Все-то ты знаешь, все-то тебе известно. Ну, положим, с замком все понятно, а потому опустим. Но что касается остального, ты меня поразил. Я говорю о лордах и их долгах. Как вообще тебе удалось добыть столь ценные, главное, глубокие и, безусловно, важные сведения? Ты столько знаешь о бароне, сколько не знает, наверное, и сам король. Давай делись. И кроликом, к слову, тоже.

– Да, пожалуйста! Как говорится, на здоровье. Ну, насчет короля не знаю, возможно, и ему сие ведомо. Что же касается остального, слушай, коль есть желание. В отличие от тебя, мой дорогой Велентар, я предпочитаю знать как можно больше о твоих, да и моих недругах. И как ты сам убедился ныне, не зря. Теперь о том, как наказать зарвавшегося барона. Ясно, что мы пока не готовы к открытым военным действиям. Что ж, ничего страшного тут нет. Да, да, и не спорь. Сам посуди. Сейчас весь гарнизон Латимора составляет тысячу воинов. Это включая твоих и моих гвардейцев. Значит, взять с собой мы сможем только гвардейцев, не оставишь же ты город без гарнизона. Так?

– Ну, так, – вынужден был согласиться с другом Велентар.

– Далее, предположим, мы все же заберем половину. И что с того? Как я уже сказал, с пятью, даже семью сотнями нам под Арташем делать нечего. Над нами просто посмеются со стен замка. И это, заметь, в лучшем случае. К тому же я слышал, Жигар в Арташе постоянно держит при себе около тысячи или даже более рыцарей. А при необходимости может собрать и больше, денег на это у него хватит. При таком соотношении сил штурм невозможен. А это значит, что мы вынуждены будем отправиться восвояси. Повторяю, это в лучшем случае. Не исключено и то, что он попытается пленить нас. И если это ему удастся...

– Ты допускаешь, что он может решиться на открытое противостояние? Он что, сумасшедший? Да когда отец вернется из похода...

– А почему бы нет. К тому же, как ты сам только что заметил, короля сейчас нет в Брендании. А Жигар потом заявит, что мы вероломно напали на его крепость, и он просто вынужден был защищаться. А ты, Велентар, кронпринц Брендании, будущий король, и не можешь, не имеешь права потерять лицо. А это произойдет, если ты не сможешь взять Арташ.

– Уф, – осушив кубок, выдохнул Велентар. – Я и не знал, что так был голоден. Впрочем, я не отказался бы и от десерта. Ну да ладно. Вот слушаю я тебя, Аркадиас, и в очередной раз убеждаюсь – из кого и выйдет отличный король, так это из тебя. Клянусь богами, если б отец принял такое решение, я бы с радостью подчинился ему. Поверь, брат, все эти государственные дела навевают на меня просто смертельную тоску.

– Велентар! Ты опять? Я в который раз...

– Все, все. Я пошутил. Уж прям и пошутить нельзя. Нет, ну кому ни Расскажи, ведь не поверят. Ему, можно сказать, корону наипрекраснейшей страны на свете предлагают. А он...

– Простите меня, ваше величество, дозволено мне будет ответить за принца Аркадиаса, – произнес до того хранивший молчание Зинар. – Если, конечно, принц Аркадиас будет не против.

Аркадиас неопределенно развел руками. Приняв этот жест как выражение согласия, маг Зинар продолжил:

– Простите еще раз, ваше величество, но, по-моему, принц Аркадиас абсолютно прав. К тому же, вы еще не король и не можете предлагать ему то, чем пока не владеете.

– Вот как? – фыркнул Велентар и, обернувшись к Аркадиасу, продолжил: – Теперь я понимаю, почему ты так орал, когда я подходил к твоим покоям. Нелегко тебе с ними, ой нелегко. Сочувствую, брат.

– Да я уже привык, – улыбаясь, ответил Аркадиас и ободряюще подмигнул Зинару. – К тому же маг Гарноус сказал бы тебе то же самое.

– Ну, что ж, может, оно и так. Так как ты все же предлагаешь поступить с бароном Жигаром?

– Да очень просто. Нужно отправить преданных тебе людей к лорд-маршалам Сейлору и Иврашу. Когда лорды границ узнают о поведении барона, они (я в этом уверен) не останутся безучастны. К тому же, они тоже недолюбливают барона. Словом, как только лорды отправят тебе войско, мы сможем с твердой уверенностью идти на Арташ. И думаю, нет, я, кажется, знаю, как взять Арташ без боя.

– Но, ваше величество, вы не можете... – начал было возражать Патрис, но Велентар перебил его, отмахнувшись, как от назойливой мошки.

– Отлично! – радостно воскликнул он. – Что ж, так тому и быть. Ну, что, маги-советники, – обернувшись к Зинару и Патрису, произнес кронпринц. – Поможете нам проучить барона Жигара?

Зинар и Патрис, переглянувшись, обреченно выдохнули и кивнули в ответ.

Арташ

– Что ж, Аркадиас, надеюсь, твой план сработает, – с трудом разлепив засохшие губы, произнес Велентар. – Клянусь богами, я прескверно чувствую себя. Нутро мое горит и мутит одновременно. Какой же дрянью напоили меня твои маги?

– Сочувствую тебе всем сердцем, брат, – покачал головой Аркадиас. – Если честно, то я и сам не знаю. Да и что бы это изменило? Но хочу напомнить тебе, что ты сам одобрил сей план. А Патрис и Зинар лишь позаботились о том, чтоб все выглядело правдоподобно. Жигар далеко не глуп. Вся наша затея может рухнуть в один миг, если он заподозрит неладное. Все это продлится недолго. Действие отвара кратковременно, во всяком случае, так утверждают маги. Словом, потерпи еще немного, будь добр, – ободряюще хлопнув по плечу кронпринца, произнес Аркадиас.

– Ох, скорее б, – выдохнул Велентар. – Только одно мне душу греет. Это мысль о том, что когда все закончится, я припомню барону каждый миг своих мучений.

– Припомнишь, обязательно припомнишь. Только пока вам нужно меньше двигаться и говорить. Вы, ваше величество, можно сказать, почти при смерти. Между прочим, ровно так и выглядите, – усмехаясь, закончил Аркадиас.

– Тьфу на тебя. Еще изгаляется, – выдохнул в сердцах Велентар и обессиленно откинулся в паланкине.

– Осторожнее несите кронпринца, олухи, – прикрикнул на гвардейцев Аркадиас. – Его величеству дурно, – и чуть тише добавил: – А то как бы он вас всех сейчас не облевал.

– Я все слышал, – раздался измученный голос из паланкина.

Гвардейцы, несшие паланкин, удивленно переглянулись, но промолчали. Они и так несли паланкин, словно младенца, вымеряя каждый шаг.

К полудню отряд добрался до стен крепости Арташ. Твердыня барона выглядела внушительно. Высокие стены, ров, крепкие обитые железом ворота должны были впечатлить любого неприятеля, случись тому встать у стен крепости. Но не в этот раз. Аркадиас и Велентар не собирались брать крепость приступом. Нет, в их планы кровопролитие не входило. Во всяком случае, в отношении защитников крепости.

– Капитана гвардии ко мне, – рявкнул Аркадиас.

– Капитана гвардии к принцу, – стали раздаваться голоса, передавая по цепочке приказ принца.

Во время марша место капитана личной гвардии кронпринца во главе отряда. А потому Аркадиасу пришлось некоторое время провести в ожидании.

– Ваш приказ, мое исполнение! – приложив, правый кулак к груди и чеканя слова, выкрикнул подскакавший капитан.

– Саркарий, мне нужен воин, порасторопней да посмышленнее, словом, нужен гонец. Не дело кронпринцу Брендании ожидать у стен Арташа, пока барон соизволит отворить ворота. Пусть гонец скачет вперед и объявит Жигаро, что кронпринц Велентар изволит остановиться у него. Да, и передай, чтоб приготовили покои для него, его величеству нездоровится.

Саркарий молча кивнул и, развернув коня, помчался к голове колонны.

– Ну, вот, ваше величество, все и началось, – с напряжением в голосе буркнул Аркадиас. – Теперь все зависит от того, что ответит нам барон.

Из паланкина выглянул принц, мутным взором посмотрел на Аркадиаса, потом на несущих палантин гвардейцев, а затем раздалась весьма характерные булькающие звуки.

– Все-таки укачали кронпринца, оболтусы, – делано хмурясь, бросил Аркадиас. – Осторожнее, олухи, не видите, что ли, его величество изволит блевать.

Велентар ненавидящим взглядом посмотрел на Аркадиаса, хотел было что-то сказать, но его вновь вывернуло.

– Видите, до чего вы довели кронпринца, – с укором произнес Аркадиас. – Я... впрочем, об этом после. Та-ак, вот, кажется, и Саркарий возвращается с вестями. Быстро. Что ж, послушаем, что ответил нам барон Жигаро.

И прищпорив коня, Аркадиас поскакал тому навстречу.

– Принц Аркадиас, гонец вернулся с ответом от барона.

– Что же ответил нам Жигаро?

– Барон Жигаро передал следующее, а именно, что он де считает, что его величество кронпринц Велентар выбрал не самое лучшее время для путешествий. Но как преданный вассал его величества короля Брендании Логара Железного он, безусловно, сочтет за честь принять у себя в замке кронпринца. И еще, я послал к барону в качестве гонца Левара, нашего следопыта и разведчика. У него глаз зоркий, всегда и все примечает. Так вот, он доложил, что в замке не менее тысячи воинов, а может, и более, и все при броне. Хоть сейчас в бой. Что-то нехорошее затевает барон. Я бы поостерегся.

– Благодарю, капитан, мы это учтем. И непременно поостережемся, будь в том уверен. А сейчас вперед. Нам как можно скорее нужно сопроводить кронпринца в Арташ.

– Ваш приказ, мое исполнение, мой принц, – ответил капитан, после чего ускорил.

Аркадиас направил коня в середину колонны, туда, где находились Зинар и Патрис.

– Зинар, Патрис, кажется, барон клюнул. Сколько еще продлится действие снадобья?

– Об этом не беспокойтесь. Снадобье тут ни при чем, – улыбаясь, ответил Зинар. – Мы дали ему простую воду.

– Как воду? – опешил Аркадиас. – Велентара выворачивает наружу всю дорогу. Он, что же, и впрямь отравился?

– Успокойтесь, принц. Кронпринц, если хотите знать, совершенно здоров, все дело в магии. Одно заклинание, и все. Но как только в том будет необходимость, кронпринц Велентар вновь будет чувствовать себя превосходно.

– Заклинание? Магия? Но ведь Гарноус защитил Велентара и меня от любой магии.

– От любой, да не от любой. Ну, сами посудите, как же вас, если что, лечить? К тому же вы забываете, что мы сами были учениками магистра Гарноуса.

– Вот оно как. Ну, что ж, тем лучше. Сейчас как никогда важна правдоподобность. Как я и предполагал, у барона Жигара в крепости тысяча, а то и больше воинов. Итак, теперь будьте неотлучно рядом с кронпринцем. Вы его лекари, а значит, от него ни на шаг.

– Мы помним, мой принц, – хмурясь, ответил Патрис. – Хотя видят боги, не нравится мне все это. Авантюра, ни больше ни меньше. Все это сплошная авантюра.

– Ну, вот, заладил опять, – фыркнул Зинар. – Говорил же я вам, не нужно было его с собой брать. Всю дорогу бурчит что-то себе под нос. Слушать тошно.

– А ты не слушай, – отрезал Патрис. – Я за принцев в ответе, как, впрочем, и ты. Только это тебя, я погляжу, совсем не волнует. Ты...

– Все, хватит, – рявкнул Аркадиас. – Мне сейчас не до вас. И уж кому сейчас и впрямь тошно, так это Велентару. Все мы почти на месте. Будьте рядом с принцем, а мне самое время поговорить с бароном. – После чего Аркадиас, прищпорив коня, поскакал к воротам замка.

* * *

Барон встречал кронпринца согласно этикету у ворот замка. И внешне вроде все выглядело весьма пристойно, если не сказать пышно, но только на первый взгляд. Ну, во-первых, согласно все тому же этикету, вассал должен был приветствовать наследного принца или принца крови пешком. Во-вторых, сопровождающая его свита не может быть числом выше,

чем свита принцев. В-третьих, барон не должен стоять на пути высоких особ, преграждая тем самым въезд в замок. Ну и, в-четвертых, не будучи лордом, а лишь только они имели такую привилегию, он должен был обнажить голову. Аркадиас все это заметил, но решил не подавать виду. А потому остановился в пяти шагах от барона, при этом храня молчание и буравя Жигара взглядом.

Барон понял, чего ожидает от него принц Велентар, но, желая показать, кто хозяин в Арташе, не спешил первым произнести приветствие. Ожидание затянулось, грозя перерасти в открытое противостояние.

– Барон, что вы делаете? Вы хотите оскорбить наследного принца? Да и оскорбление принца крови вам не простят, – зашептал ему на ухо Барклай, правая рука барона и его личный телохранитель.

В прошлом наемник, Барклай за долгие годы службы барону заслужил многие привилегии. И будучи правой рукой барона, служил тому верой и правдой. Он единственный, кто мог позволить себе говорить с бароном почти на равных. Но при этом никогда не злоупотреблял этим. Самолюбивый, жестокий и властолюбивый Жигаро ценил эти качества в Барклае и часто прислушивался к его советам. Все, кто жил в замке и на обширных землях барона, называли Барклая не иначе как «черной тенью» Жигара. И не без оснований. Барклаю были чужды такие простые, казалось бы, человеческие чувства, как жалость или сочувствие. Что и говорить, оба, господин и его слуга, были схожи почти во всем, даже внешне. Оба низкорослые и коренастые, да и черты лица у обоих были в чем-то схожи. И тот и другой обладали тяжелыми выступающими подбородками да маленькими, как у свиньи, злыми глазами, которые из-за густых, нависших на веки бровей превращались и вовсе в черные, постоянно бегающие бусинки. И тот и другой стремились к власти, причем особо не выбирая средств ради достижения своей цели. Сходство было почти во всем, за исключением характера. Барон был импульсивен и быстро приходил в ярость, отчего был прозван Бешеным. Барклай же, наоборот, старался взвешивать каждый свой шаг и оценивал возможные нежелательные последствия, как для себя, так и для своего господина. И объяснялось это не столько преданностью, сколько элементарным инстинктом самосохранения. Барклаю устраивало все в этой жизни, и менять ее, лишиться всего, чего добился за многие годы службы барону, он не желал. Вот и сейчас, трезво оценив ситуацию, он убеждал барона одуматься.

– Плевать, – сквозь зубы процедил Жигаро. – Это мой замок, мои предки правили этими землями задолго до появления первых Деваров. Я здесь олицетворяю закон и этикет. Что же касается Аркадиаса, этого бастарда и выроodka, так я не признавал и не признаю в нем принца Брендании. Логар привез младенца непонятно откуда и ни с того ни с сего вдруг объявил его принцем крови. Дескать, он является потомком самого Яскольда Основателя, пращура всего рода Деваров. Чушь. Пусть глупцы лорды верят в этот обман, но я не стану.

– Но Гарноус предоставил королевскому совету лордов все необходимые документы, подтверждающие истинность слов короля, – возразил Барклай.

– Подделка! – отрезал Жигаро.

– Пусть так. Возможно, все именно так и есть. Но у вас, мой господин, насколько я знаю, нет пока доказательств, не так ли? А посему еще раз прошу вас подумать. Ярость не лучший советчик. Уверяю вас, одумайтесь, пока не время открыто заявлять о ваших подозрениях. К тому же мы даже не знаем истинных причин приезда принцев. Более того, наследному принцу нездоровится, случись с ним что, да еще и у ворот вашего замка... Это, конечно, если верить тому, что нам поведал гонец. Я думаю, для нас сейчас разумнее всего выждать. Я не сомневаюсь, у вас еще будет шанс показать всем, кто истинный хозяин Арташа. Но молю вас, не поступайте опрометчиво, да еще и при всех ваших воинах. Конечно, они мало что знают об этикете, но то, что вы делаете, может вызвать недовольствие и среди них.

– Зачем мне этот сброд, если я не могу ему доверять? Они едят мой хлеб, пьют мое вино и тратят мое золото. А что взамен?

– Тише, мой господин, прошу вас, тише. Ваши воины преданы вам. Но есть предел и их верности. Нанесение оскорбления наследному принцу Брендании сведет их преданность на нет. Вот если кто-то из его окружения, даже если это будет принц крови Аркадиас, оскорбит вас без всяких на то причин, тогда совсем другое дело. А пока выжидайте, барон, узнайте, что им понадобилось в Арташе, зачем они явились сюда. Не дайте им ни малейшего повода объявить вас предателем короны. Кто знает, возможно, скоро все изменится, причем в лучшую для вас сторону. Надо лишь немного подождать.

– Подождать, говоришь? Выждать? – задумчиво прошептал Жигаро. – Может, ты и прав. Вот и Карнус говорит то же самое, – прошептал Жигаро.

– Простите, господин? – опешил Барклай. – Карнус? Но кто это?

– Забудь на время об этом, дорогой друг Барклай, – буркнул барон. – Придет время, и ты все узнаешь, обещаю. Ты вновь доказал мне, что твои советы не только верны, но и своевременны. Что ж, так и поступим. Но с коня я слезу только тогда, когда подъеду к нему, – кивнув в сторону принца Аркадиаса, упрямо заявил Жигаро.

Барклай в ответ молча склонил голову в знак согласия. Провожая барона взглядом, Барклай сосредоточенно размышлял над словами, сказанными его господином. Сказать, что он был удивлен, значит не сказать ничего. Барклай был подавлен. Он всегда считал, как ему казалось, справедливо считал, что у Жигаро нет и не может быть тайн от него. Но вот оказалось, что ошибался.

– Что ж, подождем, когда придет это самое время. Только отныне я сам буду решать, когда именно оно настанет, – зло прищутив глаза, шепотом произнес он, по понятным причинам не желая, чтоб Жигаро услышал его.

Впрочем, совершенно зря. Барону было уже не до него, слегка пришпорив коня, он направился к поджидавшему его принцу Аркадиасу. Приблизившись, он откровенно медленно, желая показать, с каким нежеланием он это делает, спрыгнул с коня и, обнажив голову, снял шлем.

– Я рад приветствовать вас и наследного принца Брендании в замке Арташ, принц Аркадиас, – слащаво улыбнувшись, произнес он.

– И я рад видеть вас в добром здравии, любезный Жигаро. Видимо, слухи о вашем недуге сильно преувеличены?

– О моем недуге? – недоуменно спросил барон.

– Ну, да! Я слышал, правда уже не помню от кого, что вас замучила подагра, да и с головой что-то не так. Как эта болезнь зовется? Э-э-э, а, все, вспомнил, мигрень, кажется. Но к чему все это теперь? Ведь вы, как я вижу, совершенно здоровы? Не так ли?

– Абсолютно, принц Аркадиас, чего и вам желаю, – еле сдерживая ярость, процедил Жигаро. – Но меня в свою очередь расстроила весть о том, что мои искренние пожелания не достигли желаемого результата. Во всяком случае, в отношении кронпринца Велентара. Наследный принц, как мне доложили, занедужил.

– Так и есть, дорогой барон, – огорченно выдохнул Аркадиас. – А потому велите сей же миг приготовить покои для его величества. Он, к сожалению, не сможет продолжить дальнейший путь. А ведь принц так ждал этого дня.

Барон, не понимая, о чем говорит Аркадиас, хотел было спросить, что тот имеет в виду, но, спохватившись, обернулся к Барклаю.

– Покои для наследного принца! – выкрикнул он. – И лучших, моих личных лекарей к нему! Быстро!

– О, не стоит беспокоиться, любезный барон. Его величество всегда выезжает в сопровождении своих личных магов-лекарей.

– Магов? А, вы изволите иметь в виду магистра Гарноуса?

– Нет, что вы, барон. Маг Гарноус, как вы верно заметили, магистр и верховный маг Брендании и все такое. У него, безусловно, и своих дел немало. Конечно, если вдруг в нем будет нужда, он непременно будет призван к наследному принцу. Но пока... А вот, кстати, и паланкин принца Велентара. Ваше высочество, мы уже на месте, так что скоро вы отдохнете, – склонив слегка голову, произнес Аркадиас.

В ответ из паланкина донесся приглушенный стон и все то же характерное бульканье. Пока паланкин не трогался с места в ожидании, когда наследному принцу станет лучше, барона все одолевали сомнения. Ему очень хотелось заглянуть в паланкин, чтоб лично убедиться в том, что в нем именно наследный принц. И, что еще важнее, увидеть воочию, истину ли говорит принц Аркадиас или все это искусно разыгранный фарс. К тому же в замок вместе с паланкином наследного принца въезжали и его гвардейцы. Пусть их было немного, но Жигару все равно это не нравилось. Но сомнения барона рассеялись через мгновение и сами собой. Точнее, благодаря случаю, к тому же весьма неприятному для самого барона.

– Мне все хуже, дорогой Аркадиас, – раздался полный страданий голос Велентара. – О, боги...

Затем из паланкина высунулась голова кронпринца Велентара, раздалось характерное ахр-р-р, и бледная жидкость выплеснулась фонтаном прямо на сапоги барона Жигара. Велентар, вскинув голову, посмотрел мутными от дурноты, одолевавшей его нутро, глазами и вновь скрылся в паланкине. Гвардейцы принца невозмутимо, словно ничего не произошло, продолжили свой путь к покоям наследного принца. А Жигаро, тупо уставившись на свои сапоги из кожи гаруара, редкого зверя, обитавшего в далеких восточных землях, застыл как изваяние.

– Да, кронпринцу все хуже и хуже, – словно не замечая состояния барона, озабоченно произнес Аркадиас. – Впрочем, лекари уверили меня, что как только принц окажется в постели, болезнь отступит за пару дней. А может, даже и раньше. Да что с вами, милейший барон? На вас лица нет.

– А? Нет-нет, все в порядке, мой принц, – не без труда взяв себя в руки, ответил Жигаро. – На меня просто произвело неизгладимое впечатление удручающее состояние наследного принца. Но все же мне, если, конечно вы изволите мне об этом поведать, хотелось бы знать, чем знаменателен сей день. Я что-то не припоминаю в славной Брендании праздника в это время года.

– А возвращение короля с великой и славной победой разве не повод для всенародного веселья? Или вы другого мнения на сей счет?

– Я? Нет? В смысле, конечно, бесспорно, это повод для великого веселья, – затараторил сбитый с толку Жигаро. – Просто эта весть буквально ошарашила меня. Меня... э-эм переполняют чувства радости за Бренданию и его народ. Весть о том, что король возвращается с победой, с великой победой, я уверен, мигом облетит всю страну. И я безмерно рад, что узнал об этом...

– Вообще-то, милейший барон, я не совсем точно выразился.

– Простите, мой принц, но я не совсем понимаю вас. Что значит не совсем точно?

– Дело в том, что король и в самом деле возвращается, а вот с победой или... Словом, мы и сами теряемся в догадках. Гонец, что доставил нам весть от короля, смог передать только часть послания. Бедняга, он был смертельно ранен и умер прямо на руках кронпринца. Магистр сделал все, что мог, но... Но как бы то ни было, короля надобно встретить с триумфом. А для этого двух с небольшим сотен гвардейцев маловато. Вы так не считаете, барон?

«Вот оно! В чем же подвох, – пронеслась в голове Жигара тревожная мысль. – А ведь Карнус не раз предупреждал меня быть настороже. Не это ли он имел в виду? Но чего

добивается Аркадиас? Неужто он и впрямь думает, что я оставлю Арташ без гарнизона и отправлюсь с ним встречать короля? Но даже если и так, что с того? Что сможет сделать этот сопляк в мое отсутствие? Захватить крепость? Смешно! Король вернулся, и я как преданный вассал выехал вместе с принцем крови и со всем своим гарнизоном встретить его. А наследный принц воспользовался этим и захватил замок. Да весть об этом очернит весь род Дегаров. Такого вероломства им не простят. Но, тем не менее, осторожность не помешает. Отправлю-ка я с Аркадиасом, скажем, пять сотен моих воинов, а над ними поставлю одного из моих капитанов. Барклай подскажет, кого лучше выбрать. А пока я не буду перечить принцу. Думаю, нелишним будет послушать, что у него на уме».

– Да что с вами, наконец? Вы опять замолчали! – воскликнул Аркадиас.

– Тысячу раз прошу прощения, мой принц, – встрепнулся Жигаро. – Видно, слухи о моем недуге не так уж и были преувеличенны. Я даже не знаю, радоваться мне этой новости или печалиться. Ведь если наш король потерпел поражение... Нет, нет, я даже думать не хочу об этом, ведь наш король не может проиграть, поверьте, мой принц, я в полном замешательстве. Позвольте мне сначала убедиться, что для наследного принца сделано все и он ни в чем не нуждается. Я даже представлять не хочу, что подумает наш славный король о своем скромном слуге, если узнает, что наследный принц был принят в замке Арташ без должного обхождения. А потому нижайше прошу простить меня и позволить откланяться, чтоб я смог отдать необходимые для того распоряжения.

– Конечно, милейший барон, делайте то, что должны делать. Но при этом не забывайте, что и у нас времени немного, – благосклонно махнув рукой, ответил Аркадиас.

– О, не извольте беспокоиться, – поспешил заверить барон. – Это займет совсем немного времени. А потом мы поговорим о почетном эскорте для короля.

Но, заметив, как вскинулась бровь у принца Аркадиаса, поспешил добавить:

– Ведь короля должны встречать лучшие из лучших, думаю, я отберу из моих людей сотен пять таких воинов.

– Вот и отлично, барон, а пока я не отказался бы от плоточка-другого вина. Говорят, оно у вас отменное.

– Окажите любезность, вы, если вам будет угодно, можете отдохнуть в замке, где вам подадут все, что вы пожелаете. Конечно, учитывая мои скромные возможности.

– Думаю, в том нет необходимости. Я нисколько не устал. Пусть подадут вино прямо сюда. Да и надеюсь, у вас, любезный барон, найдется кубок из серебра? Впрочем, оставьте, пусть принесут только вино. Я привык пить из своего кубка, который всюду вожу с собой. Он из прекраснейшего, чистейшего серебра, добытого в горах Асании. Вам, должно быть, известны чудодейственные свойства тамошнего серебра? Нет? Ну, как же, кубок, вылитый из такого серебра, имеет множество весьма полезных свойств, например, он распознает любой яд, причем мгновенно. Вам нужно непременно прикупить себе такой же. В наше беспокойное время такая предосторожность совсем нелишняя. Впрочем, стоит такая красота совсем уж дешево.

– Благодарю за ценный совет, принц Аркадиас, – еле сдерживаясь, ответил барон. – Я приму его к сведению. А сейчас прошу простить меня, я должен идти.

Кивнув головой, вместо того чтоб поклониться, барон вскочил на коня и, яростно пришпорив несчастного скакуна, буквально влетел в ворота замка.

– Ну, что вы об этом скажете, дорогой Саркарий? – игнорируя поведение барона, спросил капитана Аркадиас. – Ну, разве можно так издеваться над благородным животным? Да и людей своих едва не посшибал.

– Да, скотину жалко, – кивнул капитан. – Несчастное создание. И угораздило же ему оказаться под таким седоком.

– Совершенно с вами согласен, капитан, – серьезно произнес Аркадиас. – Но, возможно, провидение даст ему шанс избавиться от столь незавидной и незаслуженной участи.

– Я только на это и надеюсь. Клянусь богами, я от души порадуюсь за него. Но, возможно, кто-то, какой-нибудь сердобольный рыцарь, возьмет на себя роль провидения?

– Это было бы весьма кстати, – кивнул Аркадиас. – Такой человек, безусловно, заслужил бы признательность и благодарность скакуна... да и мою тоже. Ты посмотри, капитан, какой замок отстроил себе наш барон, – въезжая в ворота, задумчиво бросил Аркадиас, меняя тему. – Не каждый лорд в королевстве может похвастаться таким. Ну и где же обещанное нам вино?

Лес друидов

Лин и Гарк

– Лин, ты же только пришел и опять уходишь? Эх, не доведут тебя до добра все эти магические штучки. Ну, зачем тебе все это? Другое дело хороший клинок... ну, что ты опять улыбаешься? Ты вот когда в последний раз брал в руки меч? И не упомнишь ведь. Нет, ну за что мне все это? – сокрушенно качая головой, произнес Гарк.

Лин не стал говорить Гарку, что ему предстояло пройти непростое посвящение. Не стал он говорить ему и о том, что предстоящее испытание может стоить ему жизни. Чего доброго, стареющий рыцарь последует за ним к священному дереву мудрости. И если вдруг что-то пойдет не так, Гарка будет не удержать. Он со своим мечом может натворить с горя много бед, прежде чем его остановит магия друидов. Впрочем, он уже привык к ворчанию своего наставника. Хотя справедливости ради нужно было признать, что годы отнюдь не лишили Гарка былой силы. Тому подтверждением была огромная шкура горного медведя, из которой Гарк смастерил два плаща, для себя и, конечно же, для Лина. Правда, в той схватке медведь сильно помял braveго рыцаря, и друидам-целителям пришлось немало потрудиться, чтоб залечить его раны. Рыцарь ругался и пытался отмахиваться от отваров и повязок с лечебной мазью, но Лин был непреклонен. В конце концов Гарк сдавался и позволял перевязать свои раны друидам. Словом, Лин не позавидовал бы тому, кто по своей глупости встал бы на пути его наставника. Несмотря на свои раны, могучий Гарк был в прекрасной форме, которую на протяжении многих лет поддерживал ежедневными тренировками. А когда Лин стал более-менее твердо стоять на ногах, он взялся и за его обучение. Лин вновь улыбнулся, вспоминая те дни, когда Гарк решил, что пришла пора ему, Лину, научиться держать в руках меч. Ох, что это были за дни... С рассветом подъем, затем бегом к ключу, умыться и бегом обратно, легкий завтрак и до обеда сплошные тренировки. Но прежде чем сесть за стол, нужно было вновь пробежаться до ключа, обмыться и все так же бегом обратно. А после обеда они сидели у костра, и Гарк рассказывал Лину о легендарных героях былых времен и о подвигах, которые они совершали. Словом, он обучил Лина всему тому, что, по его мнению, должен знать и уметь каждый уважающий себя юноша. И в целом преуспел в этом. Гарк закалил тело Лина, научил его подавлять в себе страх, укрепил его волю и дух. Вряд ли кто-нибудь другой сделал бы для Лина больше и лучше, чем это сделал рыцарь Гарк. Лин знал это, и хотя называл Гарка дядюшкой, на самом деле любил его как родного отца.

– Ты зря сердишься, дядюшка Гарк. Я помню все, чему ты меня обучил. Но пойми, меня ждут. Я же говорил тебе о посвящении, и вот сегодня этот день настал, к тому же, я думаю, все это не займет много времени. Священное дерево друидов...

– Да слышал я уже про твое дерево. Нет, никогда я не пойму этих друидов. Ну, скажи во имя богов, как можно поклоняться простому дереву...

– Но...

– Не перебивай. Хорошо, пусть не простому, пусть не совсем простому, пусть даже древнему. Но согласись, то, что оно до сих пор не сгнило и не рухнуло, не делает его священным. И, что бы ты мне ни говорил, иначе я думать не стану. Ясно?

– Ты вот высмеиваешь друидов, а ведь они не раз помогали тебе, пусть даже ты и не просил их об этом, но сути ведь это не меняет. Не говоря уж о том, что однажды они спасли твою ногу. Ты ведь мог стать калекой на всю жизнь. А они пришли сюда, вылечили тебя. Пусть ты все еще хромаешь, но ты все же ходишь на своих двоих. Да ты ведь сам мне рассказывал об этом. Их магия – это магия самой жизни, и поклоняются они не только священному дереву, но и богине Гарине. Что в сущности одно и то же. Гарина – богиня всего

живого во всем мире. И пока священное древо стоит, баланс между злом и добром не будет нарушен.

– Можно подумать, что кроме богини Гарины других богов и нет вовсе, – буркнул в ответ Гарк.

Впрочем, его голос уже потерял былую уверенность, и возражал он теперь лишь из упрямства, хотя в глубине души признавал правоту Лина.

– Есть, но, как видишь, они мало чем помогают нам, смертным, хотя... Знаешь, я все чаще прихожу к мысли о том, что, чем реже боги вмешиваются в дела смертных, тем лучше, прежде всего для самих смертных.

– А ты повзрослел, – вдруг совершенно иным тоном произнес Гарк, при этом голос его предательски дрогнул. – А я и не заметил, когда это произошло. А что касается моей ноги, то тут спору нет, твоя правда. Да только что ты можешь знать об этом? Когда я получил эту рану, ты разве что только и мог есть да испражняться. Лежал в траве и голосил на весь лес, пока я тебя не нашел, да и после орал. Потом явился Дамир, он разрешил мне остаться в лесу и воспитывать тебя. А лекари занялись моей раной, но прежде накормили тебя, спасу от твоего крика иного не было. Все так и было. Да-а. Вредный ты был малыш, я тебе скажу, все по-своему норовил сделать. Да что там говорить, ты и по сей день таков. Ведь, кажется, совсем еще недавно ты только и знал, что хныкал, когда расшибал коленку или когда просил оставить щенка волкара. А теперь... Дела...

Но тут же, словно устыдившись минутной слабости, сменил тему.

– Кстати, как хочешь, а с Хрустом что-то надо делать, – ворчливо произнес Гарк.

– А что с ним? – обеспокоенно произнес Лин. – И кстати, где он? Я его со вчерашнего вечера не видел.

– Где-где? – все тем же ворчливым голосом ответил Гарк. – В лесу, конечно, где ж еще. Может, самка в округе появилась, а что, вполне может быть. Ведь откуда-то он все-таки взялся. Не мог же он с неба сюда явиться. А может, просто скучает, кто знает. Тебя ведь с утра и до вечера не бывает, а с собой ты его никогда не берешь. У тебя ведь дела. Только он, чтоб ты знал, всю живность на два дня пути отсюда распугал. Хорошо, еще сам что-нибудь да глядишь и притащит. А иначе и не знаю, как бы я управился. С моей ногой особо-то не разгуляешься. Эх, мне б коня да в жаркую сечу, – мечтательно произнес он.

– Опять? Ты же знаешь, Дамир не любит подобные слова, – укоризненно произнес Лин. – Чего хорошего в том, что ты станешь убивать себе подобных?

– Много ты понимаешь, мальчишка, – отрезал Гарк. – Еще ни разу в моей жизни мой клинок не был обагрен кровью невинного. Как ты собираешься защищать себя и своих близких, не лишая врага жизни? Уж он, ты мне поверь, не станет медлить или раздумывать над священностью этой самой жизни. Один взмах, и все, твоя голова катится по земле, и нет больше мальчишки, вздумавшего поучать старших.

Лин лишь покачал головой в ответ. По своему опыту он знал, что если Гарк завел старую песню, то переубедить его не сможет никто.

– Хорошо, когда вернусь, я поговорю с Хрустом.

– Поговорит, видите ли, он, – ворчливо произнес Гарк. – Хруст, если ты забыл, – волкар, другими словами – зверь. Ты что ж, всерьез считаешь, что он понимает человеческую речь?

– Хруст понимает, – серьезно ответил Лин. – И даже больше, чем ты можешь представить, разве что не говорит.

– Да? Наверное, странно, что я не удивлен? Может, потому, что он и не должен уметь говорить, – язвительно хмыкнул Гарк.

– Это как тебе будет угодно, дядюшка Гарк. Раве могу я спорить с мудрым наставником? А теперь я должен идти, мне и вправду уже пора.

Посвящение

Как только Лин переступил невидимые границы священной рощи, он услышал протяжное пение жрецов-друидов, вызывающих к мудрости великого древа. Пение друидов завораживало, и Лин почувствовал, как по его телу прокатилась теплая волна умиротворения. Он почти на месте, и его ждут. Жрецы и старейшины великого народа друидов ждут его, они проведут обряд очищения, после чего придет черед и самого посвящения. Таинство, в котором он, Лин, предстанет пред великим мудрым древом, с того мгновения жизнь, а возможно, и смерть Лина будут зависеть только от чистоты души и помыслов его. Ступив на поляну, Лин замер, мельком бросив взгляд на жрецов и старейшин. Лин со смешанным чувством восхищения и трепета остановил свой взгляд на великом древе. Он никогда раньше не видел святая святых народа друидов. Священная роща была закрыта для него, даже лесной зверь обходил ее стороной, и вот он, Лин, здесь.

– Во имя милосердной Гарины, он воистину исполин среди деревьев, – прошептал, благоговей, Лин.

И две дюжины человек, сцепившись руками, не смогли б обхватить ствол отца дерева.

– Зачем ты пришел в священную рощу, человек? – раздался суровый голос верховного жреца Дамира.

– Я пришел в священную рощу, дабы познать мудрость Отца Древа, верховный жрец! – торжественно произнес в ответ Лин.

– А ведомо ли тебе, что лишь друид, почитающий законы великой богини Гарины, имеет право предстать пред советом жрецов и старейшин народа друидов?

– Ведомо, о верховный жрец. Но я был принят и воспитан народом друидов с младенчества, я принял законы великой богини Гарины и жил по ним все годы до сегодняшнего дня. Я друид, пусть и не по рождению. Народ друидов – мой народ.

– Ты сказал, и мы услышали, пусть отец древа решит, достоин ли ты познать мудрость его и получить благословление нашей богини. Теперь подойди к нам и предстань перед старейшинами, они совершат последние приготовления и облачат тебя в одеяния страждущего. Но помни, если отец древа узрит в тебе зло, ты умрешь. И в том будет и наша вина, пройдут годы, возможно, десятилетия, прежде чем отец древа ответит нам на наши молитвы. У тебя еще есть возможность отказаться и покинуть священную рощу, мы пойдем.

– Я не изменю своего решения, о, верховный жрец, – твердо ответил Лин. – В моем сердце нет зла, я не жажду власти или могущества. Я лишь хочу получить ответы.

– Ответы? Что ты хочешь знать?

– Кто я? И как попал в лес богини Гарины?

– Кто ты? Но ты сам ответил на этот вопрос. Ты друид.

– По духу да. Но, тем не менее, кто я? И почему я оказался здесь?

– Что ж, возможно, ты сможешь получить ответы, – выдохнул Дамир. – Теперь ступай, старейшины ждут.

Пение жрецов усилилось, когда Лин подошел к старейшинам народа друидов. Те, не говоря ни слова, знаками велели ему раздеться, после чего надели на него серо-коричневый балахон, затем один из старейшин подошел к Лину, держа в руках глиняную миску, наполовину заполненную вязкой и маслянистой, как показалось Лину, массой. Осторожно обмакнув в нее свой палец, он несколько раз провел им по лицу Лина. За ним то же самое повторили и остальные старейшины.

«Руны посвящения, – мелькнуло в голове Лина. – Вот и началось».

Пение жрецов смолкло, и вновь раздался голос Дамира:

– О, Отец Древа, внимли нам, сегодня день страждущего, мы приняли его как сына и как сына нашего воспитали. Он принял решение пройти посвящение, а мы не видим причины отказать ему в этом. О, Отец Вечного леса, в твоей власти жизнь его и смерть, как и каждого из нас, если изменим мы законам нашей богини. Пусть он увидит мир твоими очами, а ты его. Отвори лоно свое и позволь страждущему войти в него, о Отец Древа.

– Рахха о Нджаахим Сурраахим, – воскликнули жрецы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.